

Олег Губайдулин

ПРОКЛЯТЫЙ

Олег Губайдулин

Проклятый

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Губайдулин О. Н.

Проклятый / О. Н. Губайдулин — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Идея вечной жизни привлекает миллионы людей. Но только тот, кто испытал это уникальное свойство живого на себе, может сказать точно - легко это или тяжело. Столетия прожитых судеб не могут не оставить своих следов в душе. Зачастую эти следы, огромный опыт и усталость от увиденного и прожитого делают окружающих людей для "вечного" еще большими чужаками, чем это можно было бы представить. Даже в ситуации, когда эти люди вовсе не посторонние, а твои кровные потомки. Линии наших судеб порой так извилисты, что твой собственный внук может стать у тебя на пути с оружием в руках. А древние боги могут оказаться начисто лишенными милосердия.

© Губайдулин О. Н., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Глава № 1	5
Глава № 2	10
Глава № 3	16
Глава № 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава № 1

Старый будильник гремел не умолкая. Миссис Дженкинс, не желая просыпаться, наслаждалась последними мгновениями сна. Сна, в котором она видела себя маленькой девочкой с огромными голубыми бантами. Она бежала к своему дому по залитой весенним солнцем дорожке, а на пороге стоял ее отец. Он широко раскинул руки и улыбался ей.

Внезапно пожилая леди пронзительно вскрикнула и широко распахнула свои голубые глаза. По ее морщинистым щекам ручьем заструились слезы. Сон, начавшись так чудесно, оборвался ужасной галлюцинацией: до отца оставалось пробежать всего лишь несколько ярдов, когда улыбка исчезла с его лица, а само лицо вдруг превратилось в жуткую морду дикого зверя, оскалившего на дочь острые окровавленные клыки.

Этот сон, впрочем, снился миссис Дженкинс не в первый раз и оканчивался он всегда одинаково. Пospешно оглядевшись, пожилая леди отерла слезы. По своему опыту она знала, что подобное видение всегда предвещает ей какую-нибудь неприятность.

Жизнь никогда не баловала миссис Дженкинс. О своем отце, мистере Рональде Хоскинсе она сохранила лишь обрывочные детские воспоминания и противоречивые впечатления. Мистер Хоскинс таинственно исчез 53 года назад. В память миссис Дженкинс навсегда врезался тот дождливый осенний день, когда в их дом пришли чужие люди и объявили побледневшей как мел матери, что ее муж пропал вместе с большой суммой денег, принадлежавших компании. Эта компания, в которой служил мистер Хоскинс, занималась, кроме всего прочего, торговлей антиквариатом. Затем, в течение целого года, к ним с матерью навевывались полицейские и люди компании, старавшиеся вызнать что-нибудь о Хоскинсе и превратившие их тихую жизнь в сплошной кошмар. Но время шло, а от отца не поступало никаких известий и, в конце концов, полиция пришла к выводу, что мистер Хоскинс был убит и спрятан неведомыми злодеями, погубившими его из-за денег.

Эту сомнительную версию, со свойственным всем полицейским бездушием, преподнес миссис Хоскинс некий инспектор Метгьюз. Несчастливая женщина, продолжавшая надеяться на чудо, не вынесла такого жестокого удара: вечером того же дня она, оставив прощальную записку, повесилась на чердаке собственного дома. Из родственников у несчастной маленькой Маргарет остался лишь старший брат матери – Хьюз, добрый веселый толстяк, который и приютил бедную сиротку. Этот уважаемый джентльмен являлся владельцем крупной нотариальной конторы. К сожалению, он был одержим двумя страстями, исправно опустошающими его карманы. Дядюшка питал неистребимое влечение к игре и к женщинам.

По этой самой причине его нельзя было назвать богатым человеком, но состоятельным он, безусловно, являлся. Дядя не был женат и у него не было детей. Поэтому всё своё внимание и ласку он подарил малышке-племяннице.

У матери Маргарет имелся солидный счет в банке и дядя, оформив опеку, частенько вносил на этот самый счет весьма крупные суммы. По собственным словам мистера Хьюза, он не желал, чтобы Маргарет в дальнейшем пришлось работать ради куска хлеба. Когда Маргарет исполнилось 18 лет дядя, дела которого сильно пошатнулись, был вынужден продать свой большой дом, и они с девочкой переехали в дом ее матери. Ежегодно, пока Маргарет не исполнилось 21 года, на имя мистера Хьюза приходили крупные денежные переводы без указания обратного адреса, но с обязательным уточнением – “для Маргарет”. Эти переводы ставили дядю в тупик и он, задумчиво почесывая за ухом, размышлял о таинственном отправителе. Дядя Хьюз, верный своим прихотям, скончался от апоплексического удара за игорным столом одного из фешенебельных лондонских клубов.

Стоит ли говорить о том, что в завещании своей единственной наследницей он назвал мисс Маргарет Хоскинс. Спустя полтора года после смерти любимого дядюшки Маргарет вышла замуж за мелкого клерка мистера Дженкинса.

Однако этот брак не принес ей ожидаемого счастья: муж оставил Маргарет, когда их единственному ребенку не исполнилось еще и трех лет.

И с тех пор лишь забота о единственном сыне заполнила всю ее жизнь.

Миссис Дженкинс выключила будильник и, надев халат, прошла в ванную. Она умылась и тщательно вытерла лицо махровым полотенцем, стараясь скрыть следы слез. Затем пожилая леди направилась в столовую, откуда доносился аромат свежесваренного кофе. Горничная Мэри, служившая в доме уже пятнадцать лет, накрывала стол к завтраку. Пожелав хозяйке доброго утра, она отправилась за чашками, и столкнулась на пороге с сыном хозяйки дома. Извинившись перед горничной за свою неловкость, в столовую вошел Гарольд. Это был высокий, черноволосый молодой человек двадцати восьми лет от роду, обладатель спортивной фигуры и степени бакалавра. Он торопливо поцеловал мать и, пристально взглядевшись в ее покрасневшие глаза, озабоченно спросил:

–

Что, опять?...

Миссис Дженкинс лишь молча кивнула. У нее не было секретов от сына и тот знал, что его дед, пропавший более полувека назад, изредка являясь во сне, доводит мать до слез. В столовую вошла горничная. Она торжественно несла на серебряном блюде две кофейные чашки и большой белый конверт.

–

Мама, посмотри какое прекрасное утро! – постарался отвлечь миссис Дженкинс от мрачных мыслей Гарольд, отдергивая занавеску.

–

Миссис, вам письмо, – почтительно доложила Мэри.

–

Это от миссис Смит, – уверенно сказал Гарольд, едва взглянув на обратный адрес.

Миссис Дженкинс, взяв конверт, надела очки и убедилась, что письмо это действительно пришло от ее подруги юности, которая последние тридцать лет проживала в США. Пробежав глазами первые строчки, миссис Дженкинс убедилась, что неприятные известия, которые всегда предрекал старый сон, не заставили себя ждать. Миссис Смит писала подруге о великом горе, которое постигло ее на склоне лет – о безвременной гибели своей младшей дочери Сьюзен. После похорон миссис Смит чувствовала себя одинокой и потерянной. Ее старшая дочь лежала в больнице и не могла по этой причине присутствовать на похоронах.

Единственным человеком, разделявшим ее горе и одиночество был, по словам миссис Смит, жених покойной Сьюзен мистер Янг. Миссис Смит охарактеризовала его лишь одним словом – “необыкновенный”. Миссис Смит просила подругу юности разделить с нею тяжкое горе и приглашала ее с сыном к себе. Дочитав письмо, миссис Дженкинс от всего сердца посоветовала подруге, а затем вопросительно взглянула на Гарольда.

–

Я думаю, что нам следует навестить миссис Смит. Она как никто нуждается сейчас в дружеском участии, – произнес сын.

Миссис Дженкинс согласно кивнула и одобрительно посмотрела на Гарольда.

Заказав билеты на самолет и известив миссис Смит телеграммой о своем приезде, мать с сыном занялись подготовкой к отъезду.

Следующим утром самолет компании Пан-Американ, рассекая голубое небо над Атлантикой, несся к Нью-Йорку. Перелет утомил пожилую леди, которая вначале читала книгу, затем изучала рекламные проспекты и, наконец, уснула. Проснувшись, она услышала голос стюардессы, объявлявшей посадку в аэропорту им. Дж.Ф.Кеннеди. Получив свой скромный багаж, мать с сыном направились к выходу. И тут обнаружилось, что их встречают. Темноволосый высокий мужчина в синем костюме стоял у самых дверей, держа в руках большой лист картона с написанной на нем фамилией “Дженкинс”, и внимательно разглядывал пассажиров. Пожилая леди с молодым человеком направились в его сторону. Безошибочно распознав в них миссис Дженкинс с сыном, мужчина подошел к ним, вежливо поздоровался, представился личным шофером миссис Смит и забрал у Гарольда оба чемодана. Назвавшись Лукасом, он ответил миссис Дженкинс на все интересующие ее вопросы, касающиеся самочувствия хозяйки и поведал подробности гибели миссис Сьюзен Смит. Оказалось, что миссис Сьюзен поскользнулась и упала с балкона собственного дома на каменную лестницу парадного. Отчего и скончалась, не приходя в сознание.

– Сью, – пояснил водитель, – была всеобщей любимицей. Веселая, добрая и красивая девушка. Несколько месяцев назад она, во время туристической поездки, познакомилась с молодым человеком, коммерсантом. Неким Янгом, в которого сразу же и влюбилась. По субъективному мнению Лукаса, терять голову так поспешно было вовсе не обязательно.

– Правда, заметил водитель, – мистер Янг очень богат. Но и мисс Сьюзен принадлежала к очень состоятельной семье. Ее мать является акционером одной из крупнейших нефтяных компаний.

Этот Янг сразу не понравился Лукасу своим высокомерием и желанием повелевать. Не командовать – уточнил шофер, – а именно повелевать. Мистер Янг рассматривал прислугу миссис Смит как своих личных рабов. Он полностью отказывал им в праве на уважение.

– Однажды, – вспомнил Лукас, – около месяца назад, Янг вышел из дома и, увидев меня, щелчком пальцев подозвал к себе. Как собаку! Я сдержался и, подойдя к нему, спросил, что ему угодно. Мистер Янг вытащил из кармана двадцатидолларовую купюру и швырнул ее мне, приказав купить сигареты. Я отказался и пояснил, что выполняю распоряжения лишь хозяев, но не их знакомых. Еще сказал, что не желаю оказывать услугу человеку, который обращается с людьми, как со скотом. В ответ Мистер Янг тяжелым взглядом уставился на меня и, клянусь Богом, я почувствовал себя полным ничтожеством! Черные глаза мистера Янга обладали какой-то нечеловеческой силой. Взглянув в них, я просто физически ощутил всю его бешеную ярость и, вместе с тем, ужасающий холод! Не знаю как это вышло, но я поднял эти проклятые деньги и отправился за сигаретами! Когда я протянул ему сдачу, он, усмехнувшись, приказал мне оставить деньги у себя. Что-то промямлив, я ушел к себе в гараж. Весь день после этого я ходил как контуженный. Я не понимал, как ему удалось с такой легкостью подчинить меня своей воле.

– А что, этот мистер Янг постоянно находится в доме у миссис Смит? – спросила миссис Дженкинс.

– Да нет. Когда была жива мисс Сью он, можно сказать, почти что жил в доме. Но сейчас он лишь навещает миссис Смит. О, как он обворожил хозяйку! С нею он предупредителен, обходителен и учтив, как выпускник Вест-Пойнта. Миссис Смит разорвет на клочки любого, кто позволит себе сказать что-нибудь плохое о мистере Генри! – горько рассмеялся Лукас. – В тот злосчастный день в доме никого не было, кроме горничной Кэрролл Ривз и старого садовника. Я с миссис Смит уехал за покупками. Садовник ковырялся перед домом, кажется подстригал кусты, а Кэрролл убиралась в гостиной. Она-то и рассказала мне обо всем, что произошло.

Кэрролл вначале услышала голос Сьюзен, которая громко заявила:

– Я сообщу в полицию, если ты не прекратишь это!

– Немедленно замолчи! – прошипел ей в ответ мистер Янг. – А то – пожалеешь!

– Вы же знаете, – продолжал Лукас, – что такое человеческое любопытство. Кэрролл прощмыгнула в коридор, но смогла увидеть лишь как мистер Янг и Сьюзен прошли в дверь, ведущую на балкон. О чем они говорили там Кэрролл уже не могла услышать. Поэтому она благо- разумно вернулась в гостиную. И только она начала вытирать пыль с рояля, как в дом с воплем ворвался старый садовник.

– Помогите! – орал он как полоумный. – Помогите!

Кэрролл с большим трудом удалось выяснить у него, что же произошло.

– Вызывай доктора, дочка! – кричал старик. – Вызывай доктора! Мисс Сью упала! Она умирает! Кэрролл бросилась к телефону, находящемуся в холле и в этот момент через чер- ный ход вошел мистер Генри. Он весело что-то насвистывал. Горничная оторопела при виде него, так как могла поклясться, что видела как он три минуты назад вышел на балкон. Взгля- нув на бледные перепуганные лица прислуги, мистер Генри прекратил свистеть и, нахмури- вшись, спросил что произошло. Кэрролл, запинаясь от волнения, ответила ему, что мисс Сьюзен, кажется, упала с балкона. Прорычав какое-то проклятие, мистер Янг бросился к выходу, и, через секунду раздался его громкий вскрик.

Садовник и Кэрролл помогли ему внести бесчувственное тело несчастной Сью в дом и уложить на диванчике, – закончил свой печальный рассказ Лукас.

– Так ведь это очень похоже на убийство! – подал голос внимательно слушавший Гарольд. – Сначала мисс Сьюзен обвиняет в чем-то мистера Генри, затем они вдвоем выходят на балкон, а через минуту она падает с него! Это – дело полиции!

– Полиция расследовала это происшествие, мистер Дженкинс, – кивнул Лукас, – но никто не смог доказать причастность мистера Генри к падению мисс Сью. Да никто и не пытался этого доказывать...

– Как так?! Ведь горничная видела, что мистер Генри вышел на балкон вместе со Сью? – спросила миссис Дженкинс.

– Мэм, Кэрролл всего лишь обычная девушка. Она побоялась дать правдивые показания, тем более, что ее ввело в заблуждение появление мистера Янга из дверей черного хода.

– Ну, а садовник? Он же возился почти под самым балконом, вы говорите? Садовник дол- жен был видеть, как Сью упала? – возбужденно спросил Гарольд. – Садовник вообще заявил, что ничего не видел и не слышал, – ответил Лукас. Старик с тех пор стал очень замкнут и раздражителен. Мне показалось, что они сильно напуган.

– Почему? – удивился Гарольд.

– Он врезал новый замок в дверь своей комнаты, – пояснил Лукас. – Полиция опро- сила всех в доме и все единодушно признали, что мистер Янг и Сьюзен любили друг друга и должны были в самом скором времени вступить в брак. Полицейские посчитали дело ясным. Они закрыли его, списав происшествие на трагическую случайность, – добавил водитель, сво- рачивая с шоссе на посыпанную мелким гравием дорожку, ведущую к большому трехэтажному особняку.

– Вот откуда упала мисс Сью, – указал пальцем на балкон Лукас. Балкон располагался над парадным входом на высоте около шести ярдов и опирался на две витые бронзовые колонны. Прямо под ним находилась лестница из серого гранита, взглянув на которую миссис Дженкинс зябко поёжилась. Остановив “кадиллак”, Лукас проворно обежал его, открыл двери и помог пожилой леди выйти из салона. Гарольд выбрался сам и вошел следом за матерью в просторный холл, обставленный со вкусом, но без излишней претенциозности.

На лестнице, ведущей на второй этаж, появилась высокая статная женщина в трауре, которую поддерживал за руку невысокий смуглый брюнет. Миссис Дженкинс устремилась навстречу хозяйке дома и подруги, рыдая, обнялись.

Немного успокоившись, они прошли к небольшому диванчику и, расположившись на нём, целиком погрузились в беседу. Брюнет подошел к открытому окну и закурил, а Гарольд остался стоять посреди холла.

– Дорогая Джейн! Позволь представить тебе моего сына! – спохватилась миссис Дженкинс. – Подойди к нам, Гарольд.

Гарольд, приблизившись к дамам, поцеловал руку хозяйке дома и пробормотал слова сочувствия. Миссис Смит поблагодарив Гарольда, представила молодого человека, с которым вышла к гостям.

– Это мистер Генри Янг, жених моей бедной Сью... – произнесла она и вновь залилась слезами.

Миссис Дженкинс подняв глаза, несколько секунд всматривалась в смуглое лицо мистера Генри и вдруг, пронзительно вскрикнув, потеряла сознание.

Гарольд, бросившийся к матери, не мог знать, что она воочию и наяву увидела, наконец, своего отца. Отца, пропавшего более полувека назад...

Глава № 2

...Солнце садилось. Последние его лучи озаряли багровым отсветом вечернее небо. Сильный ветер поднимал в прокаленный воздух завесу сухой пыли, окутывая желтым саваном древнюю землю Та-Кемет.

Царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Ра, владыка обеих земель Небмаатра Аменхотеп, теща собственное тщеславие, вновь вверг свой народ в пучину бедствий, согнав бесчисленные толпы на строительство храмов прославляющих его, Аменхотепа, могущество.

Десятки тысяч земледельцев были силой оторваны от своих наделов и, словно скот, отогнаны под охраной воинов в Уасет и Карнак. Люди гибли тысячами от непосильного труда и болезней, но железная воля сына РА была священна. Никто не смел противиться ей. Тысячи мирных землепашцев усеяли своими костями желтую землю родины.

И лишь ничтожная часть этих несчастных, доведенных до отчаяния людей, нашла в себе силы и мужество воспротивиться железной воле жестокого правителя.

Эти смельчаки бросали работы и, сбиваясь в шайки, занимались грабежами на дорогах и разорением усыпальниц.

Бывало и довольно часто, что их ловили. И тогда они, с поистине стоическим спокойствием, принимали страшную смерть. Но зачастую, бывало и так, что эти грабители доживали до старости и с великим удовольствием рассказывали внукам о своей преступной и богатой приключениями, жизни.

Как правило, выживали сильнейшие. Но сильнейшие, не в физическом смысле, а наиболее ловкие, хитрые, умные, изобретательные. И как это не печально, лишённые таких человеческих качеств, как доброта, сострадание, сочувствие...

Эти люди, обуруемые мстостью и жадной наживы, ниспровергали саму основу основ. При всем своем почтении к смерти, почитании умерших и обожествленных фараонов, при всей своей вере в загробную жизнь, они оскверняли старые могилы, движимые лишь одним желанием – желанием обогащения.

* * *

Глиняные дома, стоящие на окраине Уасет, постепенно погружались в ночной мрак. В одном из этих неказистых жилищ, на полу застеленном тростниковыми циновками, сидели двое мужчин. Один из них, с гладко выбритой головой, худощавый, тихо произнес:

– Я узнал, когда сменяется стража. Но за это нам придется кое с кем поделиться...

– Вот всегда ты торопишься, Пеихар! – недовольно проворчал его собеседник, высокий и крепкий человек с короткими волосами. – Не хочу я ни с кем делиться своей добычей!

– Ты еще не получил ее, Хапиур, – криво усмехнулся тот, кого звали Пеихаром.

В ответ Хапиур громко расхохотался.

– Что такое ты говоришь?! – воскликнул он. – Я сам, понимаешь? Я сам строил усыпальницы. И я уверен, что смогу с легкостью взломать любую гробницу. Считаю, что сокровища уже в наших руках!

– Я верю в твое мастерство, – негромко произнес его товарищ, – но мне кажется, что пришло время позаботиться об инструменте.

– Да, да.... Ты прав. Сейчас я принесу его, – кивнул Хапиур, поднимаясь с пола. – А ты не забыл про факелы?

–

Я позаботился о них, – коротко ответил Пеихар

и указал на связку тростниковых факелов, лежащую в углу.

–

Хорошо, – одобрил его Хапиур и, замывшись, спросил:

–

Как ты думаешь, не прогневаем ли мы Богов?

–

Я не знаю, – негромко ответил Пеихар, но мне все равно. Я не боюсь их гнева. Я уже давно ничего не боюсь. Эта проклятая жизнь лишила меня всего, и страха тоже...

–

Ты не боишься гнева Богов?! – удивился его собеседник. – Так, может быть, ты скажешь, что и не считаешь их?!

–

Да! – бешено заорал вдруг Пеихар, – Да! Я не боюсь и не почитаю их!

–

Ладно, тихо, не шуми.... – растерянно пробормотал Хапиур, – никто же с тобой не спорит...

–

Тогда кончай болтать и живо тащи инструмент! – приказал Пеихар.

–

Иду, иду... – закивал тот и выскочил из дома. – “Бешеный, ну просто бешеный!” – с досадой подумал каменщик, – “с таким нечестивцем даже рядом страшно находиться, не то, что лезть в гробницу!”

Пеихар же некоторое время сидел неподвижно и, не отрываясь, глядел на пламя очага. Затем он, криво усмехнувшись, подошел к своему ложу и достал из-под тростникового матраса, широкий медный нож. Тщательно осмотрев, он засунул оружие себе за пояс. Снаружи послышались торопливые шаги, и в дом, тяжело дыша, ввалился его приятель.

– Вот.... Принес.... – отдышавшись, доложил Хапиур. Он осторожно положил свою ношу на глиняный пол. Пеихар с интересом уставился на сваленные в кучу инструменты. Хапиур принес тяжелый медный молоток, несколько деревянных и медных клиньев, бронзовые долота и деревянный сосуд для воды.

– Всё готово, – прохрипел Хапиур.

– Да, нам пора – согласился его приятель, – но сначала я возьму кое-что. С этими словами он выволок из грязного угла две большие корзины, медную мотыгу на прочной деревянной рукояти, пресный хлеб, несколько сушеных рыбин, сосуд с водой и длинную веревку, свитую из жилок пальмовых листьев.

– Сколько времени нам потребуется, чтобы проломить стену усыпальницы? – спросил Пеихар каменщика.

– Немного, – ответил тот. – Нам придется вбить пять или шесть клиньев, чтобы обвалить кусок стены.

Пеихар довольно кивнул. Приятели вышли на улицу.

–

Нам пора, – взглянув на усыпанное звездами небо, прошептал Пеихар.

Сообщники торопливо зашагали в сторону Нила. Позаимствовав одну из рыбацких лодок, что лежали на берегу, они переправились через широкую реку. Вытащили лодку из воды и забросали ее песком, затем двинулись к Долине. Им пришлось идти весь остаток ночи и следующий день пока, наконец, они не подошли к ущелью. Сделав привал, приятели подкрепились сушеной рыбой и хлебом, после чего немного вздремнули.

Проснувшись первым, Пеихар взглянул на небо и растолкал сладко спящего Хапиура:

–

Вставай! Пора идти!

Они продолжили свой путь и вскоре достигли полуразрушенной ограды некрополя. В душу Хапиура холодной змеей вполз страх.

Здесь, в верхней части Долины, под охраной Рога – самой высокой вершины Фиванских холмов, покоился прах великих людей древности: фараонов, вельмож и знаменитых военачальников. Сердце Хапиура затрепетало от страха, когда подняв глаза, он увидел, как над погруженной во мрак Долиной поднимается Рог, словно гигантский палец, предостерегающий непрощенных гостей...

Каменщик вдруг вспомнил древнее предание про это жуткое место. Предание это повествовало о том, что в этой самой Долине обитает ужасная богиня-змея Меретсетрет – “та, которая любит молчание”.

Будучи на свою беду, человеком гораздо более суеверным, нежели его молодой спутник, Хапиур уже рисовал себе страшные картины чудовищных воплощений грозных Божеств, охраняющих покой мертвецов.

–

Мне страшно... – прошептал он.

–

И мне... – эхом отозвался ему Пеихар. Скосив на него глаза, каменщик поразился его белому как мел, лицу. Однако, было бы ошибочно полагать, что Пеихар трус. Трусом он не был. Хапиур знал, что несмотря на свою молодость, его приятель успел принять участие в походе против нубийцев. В боях он не раз отличался, но, являясь простым солдатом, конечно же, не мог рассчитывать на значительную долю добычи. Поэтому вернулся он из похода таким же нищим, каким и отправился на войну. Пеихар не побоялся бы никого из этого мира, никого из тех, кто ходит по земле. Страх, овладевший его душой, имел иное происхождение. Это был страх перед неведомым, перед непознанным.

Но жадность его, жажда легкой наживы, вступили в жестокую борьбу с этим страхом, с верой в могущество Богов и неотвратимость наказания.

И верх в этой жестокой борьбе одержала человеческая жадность.

Злобно сверкнув глазами на трясущегося каменщика, Пеихар прорычал:

–

Прекрати дрожать! Идем вперед!

Приятель осторожно двинулись через древнее кладбище к черной скалистой гряде. Подойдя вплотную к одной из скал, Хапиур увидел на ее темной поверхности замурованный вход. Эта гробница была очень старой: вход в нее, замаскированный среди скал, находился на очень большом расстоянии от самих погребальных помещений, высеченных глубоко в толще скалы.

–

Ты хочешь залезть в эту старую могилу? – дрожащим голосом спросил приятель каменщик. – Может нам следует попытать счастья в новых усыпальницах?

–

Новые гробницы лучше охраняются, – ответил Пеихар и добавил: – Поменьше работай языком и побольше руками!

–

Пожалуй, ты прав... – согласился тот. Вытащив инструменты, приятели не стали жечь факелы, чтобы не привлечь внимания стражи. Огромная желтая луна обливала своим мертвым светом старые могилы. Ее света вполне хватало для того, чтобы проломить замурованный вход. Каменщик тщательно обернул молоток куском кожи, с тем, чтобы приглушить звук ударов, и принялся сильно бить по медному клину, вколачивая его в камень.

Спустя некоторое время приятели выломали порядочный кусок стены. Вытерев пот, струившийся по его бронзовому лицу, Хапиур предложил:

–
Давай соберем инструмент и пролезем внутрь. – Не торопись! – удержал он Пеихара. – Впереди нас может ждать ловушка!

Сообщники осторожно пролезли в пролом и зажгли один из прихваченных факелов. Хапиур предусмотрительно привязал веревку к обломку камня возле входа, и приятели ползком двинулись по коридору, уходящему вниз. Через десяток футов высота коридора увеличилась и они смогли подняться на ноги.

Неверный, колеблющийся свет факела едва-едва разгонял могильный сумрак. Подняв глаза, Пеихар увидел на стенах галереи росписи, изображающие воплощения АМОА-РА в виде уродливых чудовищ. Его товарищ не в силах справиться со страхом, беззвучно шептал молитву.

В конце коридора сообщники чуть было не угодили в глубокий колодец, служивший ловушкой для воров. Но вовремя заметив опасность, смогли обойти его. Пройдя еще несколько ярдов, они оказались в тупике. К счастью Хапиур был опытным каменщиком и не дал себя обмануть: он простучал молотком обе стены и левая ответила характерным звуком, выдававшим пустоту. Взломав эту стену, приятели очутились в коридоре, поворачивающем влево и, вновь, уходящем вниз. На стенах коридора корчилась процессия ужасных демонов Подземного Царства. Проследовав по этому проходу сообщники попали в большой квадратный зал, поддерживаемый шестью колоннами, вырубленный прямо в скале.

Стены зала покрывали изображения шакалоголового Бога Анубиса, покровителя мертвых и богини любви Хатхор. Посреди зала призрачно белел алебастровый саркофаг. У его изголовья высилась каменная статуя Богини войны Сахмет. Богиня была изображена в виде стройной женщины с копьем в руке. Голова у нее была кошачья. По углам зала застыли боевые колесницы, блистая в свете факела медными и золотыми пластинами. Возле каждой колесницы лежала груда оружия и доспехов. Несомненно, это вооружение и колесницы принадлежали хозяину склепа. Вдоль стен расположились ларцы всевозможных размеров и форм. Ларцы украшенные серебром, золотом и слоновой костью.

У изумленных приятелей вырвался хриплый восхищенный вскрик, когда их глазам предстало все это великолепие. Взглянув друг на друга, они не сговариваясь бросились к саркофагу. Но приблизившись к нему, остановились в нерешительности.

– Может, не будем нарушать покой мертвеца? – неуверенно спросил Хапиур. – Вряд ли Богам понравится, если мы ограбим его в его же собственном саркофаге.

– Если так боишься Богов, то зачем же ты пришел сюда?! – презрительно сплюнул Пеихар. Но все же отошел от саркофага.

Его вниманием завладели ларцы, и он принялся взламывать их, разбивая замки и ломая крышки. Перемежая восхищенные возгласы проклятиями, Пеихар по самые локти погружал руки в золото. Сын нищего земледельца, сам нищий солдат, которому медный сосуд для воды казался целым состоянием, наяву, собственными глазами увидел такое множество драгоценных изделий, что у него захватило дух. В ларцах из эбенового дерева и слоновой кости блистали кольца, браслеты и ожерелья из серебра, золота и электрона. Блеск драгоценных камней дробился на тысячи искр. Камни сияли отовсюду. Камни различных цветов и размеров. Камни, которым ни Пеихар ни Хапиур не знали даже названия.

– Что ты встал, как столб?! Помогай! – вернул каменщика к действительности окрик приятеля, который трясущимися руками набивал корзины добычей. Хапиур послушно присоединился к нему. В корзины летели золотые и серебряные браслеты, кольца и ожерелья, бусы и печати, маленькие статуэтки и золотые слитки. Посаженные в кольца и подвески изумруды, гранаты и аметисты, казалось, лукаво подмигивали грабителям. Когда самые ценные вещи были, наконец, уложены, Пеихар вновь направился к саркофагу. По пути он с презре-

нием швырнул на пол какую-то вещицу. Нагнувшись, Хапиур увидел, что это медная статуэтка Богини Сахмет.

– Зачем ты бросил ее? – спросил каменщик.

– Так ведь она медная, – проворчал бывший солдат. – Здесь имеются вещи подороже. Зачем же брать всякую дрянь?

– Пеихар! – испуганно понизив голос, прошептал Хапиур. – Разве ты не знаешь, что Сахмет никогда не прощает обиды? Ты оскорбил божество! Ты накличешь беду на наши головы!

– Да плевал я на твою Сахмет! – заорал в ответ Пеихар. – Лучше иди сюда и помоги мне! Пора нам познакомиться поближе с нашим хозяином.

И с этими словами он сбросил с саркофага крышку, которая, упав на каменный пол, с грохотом раскололась на несколько частей. Пеихар, не теряя времени даром, сорвал крышку с деревянного гроба, стоящего в саркофаге и выволок из него мумию.

– Неужели тебе так мало золота?! Зачем ты потревожил покойника? Боги покарают тебя! – крикнул каменщик. Но Пеихар не обратил на него ни малейшего внимания. Разодрав покровы, он сорвал с мертвеца золотую цепь, украшенную красными и зелеными гранатами.

– Какой прекрасный перстень! – воскликнул он, стаскивая с мертвого пальца серебряное кольцо с изображением священного жука скарабея.

Каменщик, махнув на приятеля рукой, опустился на колени возле статуи Сахмет. Умоляя великую Богиню не гневаться на него, он случайно взглянул на ее копьё. Оно поразило каменщика своим необычным видом. Копьё было коротким, ярда два длиной и его древко было покрыто тончайшей резьбой, чередующейся с каким-то таинственными знаками. Самой же примечательной частью копья являлся его наконечник. Серебристый металл его горел синеватым огнем. Как будто изнутри и это сияние завораживало Хапиура...

– Ты что, заснул что ли?! – грубо окликнул его Пеихар. Взглянув на приятеля, каменщик вздрогнул: черные глаза Пеихара горели каким-то дьявольским огнем.

– Ты жалкий трус, Хапиур! И я не стану делиться с тобой добычей. Ты так считаешь Богов и мертвых, что должен остаться здесь! С ними! – Пеихар выхватил из-за пояса нож и бросился на Хапиура. Каменщик отскочил назад и попытался увернуться от удара, но бывший солдат хорошо знал свое ремесло. Медный нож вонзился в живот Хапиура и тот, тяжело застав, рухнул на каменный пол. Но прыгая вперед, Пеихар, обуреваемый жадной убийства, не заметил острого копья статуи и со всего размаха напоролся на него.

Собрав последние силы, он вырвал копьё из раны и упал, обливаясь кровью. Сквозь красный туман, заставший ему глаза, ему почудилось, что изображения демонов на стенах вдруг пришли в движение. Медленно танцую, они приближались к умирающему и угрожающе протягивали к нему свои ужасные руки.

Приподнявшись на локте, Пеихар заслонился от них ладонью и хрипло прошептал:

– Прочь от меня! Прочь! – Из его горла вылетела кровавая пена и, потеряв последние силы, Пеихар рухнул навзничь у ног каменной статуи. Он лежал и смотрел как с копья падают капли крови. Его, Пеихара, крови. Дикий, леденящий ужас вдруг объял все его существо: глаза статуи загорелись адским зеленым пламенем и опалили саму его душу. Ему показалось, что слова, обращенные к нему, зарождаются в его собственном, воспаленном мозгу. Медленно и тяжело, подобно расплавленному свинцу, падали эти нечеловеческие слова на поверженного нечестивца.

– О ничтожный червь! Как посмел ты оскорбить Богов?! Как посмел нарушить покой ушедшего? Того, кто неизмеримо выше тебя? Будь же жестоко наказан. Сама смерть ничто перед этим наказанием. Но значение его тебе пока постичь не дано. Я, Сахмет, проклиная тебя! Живи, но будь проклят!

Жуткий хохот закружил всё перед его глазами и он почувствовал, что неудержимо падает в бездонный колодец. Перед ним, подобно мотылькам, замелькали его мысли, чувства и надежды. И, превратившись в отвратительных червей, канули в черную воду отчаяния.

Но всё это уже не имело для него никакого значения.

Яркая красная вспышка вдруг обожгла лицо Пеихара и он очнулся. Открыв глаза, он увидел, что тростниковый факел упал и опалил ему брови. Вскочив на ноги, Пеихар с изумлением обнаружил под собой огромную лужу крови. С трудом вспоминая происшедшее, он поймал себя на мысли, что совсем не чувствует боли. Подобрал с пола факел, Пеихар осмотрел рану. Но раны не было. Под левой ключицей белела лишь тонкая полоска шрама, выглядевшего так, будто этот шрам был получен несколько лет назад.

Пеихар озадаченно огляделся. Его взгляд упал на скрюченное тело несчастного каменщика. Кровь его, не успев загустеть, красной лужей растеклась по каменному полу. Набравшись смелости, Пеихар взглянул на статую. Каменная Сахмет стояла неподвижно, все так же сжимая в руке копье.

Не с силах сдержать внезапно охватившей его ярости, Пеихар плюнул на пол и закричал: – Я жив! Слышишь ты?! Я – жив! Я плюю на тебя!

Затем, устранившись своей дерзости, поспешно отскочил назад, приготовившись принять страшную смерть от руки оскорбленного Божества.

Но статуя лишь равнодушно взидала в пространство глазами из зеленого нефрита. Губы Пеихара скривились в нехорошей усмешке. Презрительно оттолкнув ногой труп каменщика, он поднял корзины с добычей и, освещая себе путь факелом, медленно пошел к выходу.

Глава № 3

...Кинувшись к матери и увидев, что она в обмороке, Гарольд бестолково заметался вокруг нее, приговаривая:

– Мама, мама, очнись!

Миссис Смит вскочила с дивана и подложила под голову бесчувственной миссис Дженкинс подушку, сокрушенно приговаривая:

– Маргарет, Маргарет...

Среди всей этой суматохи лишь мистер Янг не утратил самообладания. Он быстро прошел к бару, взял сифон с газированной водой и, приблизившись к миссис Дженкинс, брызнул водой ей в лицо. Пожилая леди с трудом открыла глаза и непонимающим взглядом уставилась на Гарольда, который тряс ее за плечи.

– Не трясни меня, – слабым голосом попросила она. – Лучше дай мне пить. Гарольд, взяв сифон из рук мистера Генри беспомощно огляделся в поисках стакана. Мистер Янг, без всяких слов, угадав что ему нужно, принес из бара высокий хрустальный бокал. Гарольд налил в него воды и протянул матери.

– Что случилось, дорогая Маргарет? – участливо спросила подругу миссис Смит.

–

Ничего страшного, дорогая. Вероятно, переживания оказались мне не по силам.

Ответив так, миссис Дженкинс почувствовала угрызения совести, так как переживания эти, никоим образом не были связаны со смертью Сьюзен Смит.

Пожилая леди еще раз украдкой взглянула на мистера Янга, который находился возле нее. Глаза их встретились и миссис Дженкинс непроизвольно вздрогнула и вновь почувствовала дурноту. “Невероятно!” – подумала она, – “такое поразительное сходство! Сходство?... Или... Да нет, же! Этого не может быть! О, Боже!... Боже мой!”

– Может вам будет удобнее, если мы перенесем вас в вашу комнату и уложим в кровать? – поинтересовался мистер Янг.

– Конечно, конечно! Прости, Маргарет! Я такая рассеянная! – воскликнула миссис Смит. Несмотря на слабые возражения, гостью осторожно перенесли в комнату на третьем этаже, приготовленную специально к ее приезду и уложили в постель.

– Я немедленно вызову нашего доктора! – заявила миссис Смит. Но миссис Дженкинс решительно возразила:

– Нет, нет, дорогая! Не стоит его беспокоить понапрасну. Мне уже намного лучше и я даже смогу спуститься к ужину.

Оставшись наедине с сыном, миссис Дженкинс осторожно полюбопытствовала:

– Ну и какое впечатление произвел на тебя мистер Янг?

– Мистер Янг? – переспросил Гарольд. – А при чем тут он? Меня волнует твое здоровье. Лучше объясни, что с тобой произошло?

– Я объясню тебе всё, если ты потрудишься ответить на мой вопрос, – настаивала миссис Дженкинс.

– Ну... Не знаю... Он показался мне до странности знакомым. Как будто я его уже где-то видел... Но я не помню, где... – неуверенно ответил Гарольд.

– Я могу напомнить тебе, – и с этими словами миссис Дженкинс извлекла из-под своей черной блузки тяжелый медальон литого золота, размером со спичечный коробок. В нём помещались фотографии матери и отца миссис Дженкинс, снятые в начале века. Открыв медальон, она показала сыну фотографию его деда – Рональда Хоскинса. Мистер Хоскинс был сфото-

графирован по пояс, в темном костюме и галстук. Руки скрещены на груди. Средний палец правой руки его был украшен массивным перстнем.

– О, Господи! – только и смог вымолвить потрясенный Гарольд. – Нет! Этого не может быть!

– Может, – возразила миссис Дженкинс. – Теперь, я надеюсь, ты понимаешь, почему я очутилась в обмороке? Он будто явился прямо из прошлого... Рассудок мой отказывается в это поверить, но сердце узнаёт его... О, Господи! – миссис Дженкинс перекрестилась.

– Не волнуйся! Тебе надо успокоиться, – засуетился Гарольд. – Если бы дед был жив, то ему сейчас было бы уже лет девяносто! А мистер Янг – мой ровесник! Просто он очень похож на деда. Такое часто случается... – закончил он сам себе не веря.

– Нет, сынок, это – он! – вздохнула миссис Дженкинс. – Ты случайно не обратил внимания на перстень твоего деда. Он снят с ним на фотографии.

– Да, – кивнул Гарольд, – он у него на правой руке. Но его плохо видно.

– А ты не заметил перстень у мистера Янга? – вновь задала вопрос миссис Дженкинс. – Ах! Да! Тебе же было не до него, – спохватилась она. – Ты возился со мной... Видишь ли в чем дело, сынок... У мистера Генри Янга точь-в-точь такой же перстень, что и у твоего деда. И носит его он тоже на среднем пальце правой руки!

– Не может быть... – протянул изумленный Гарольд. – А может, его перстень лишь похож на дедовский?

– Нет сынок, – покачала головой миссис Дженкинс. – Отец носил свой перстень не снимая, но иногда давал его мне, поиграть. Я, конечно была маленькой, но все же очень хорошо запомнила, как сверкали на солнце зеленые глазки жука!

– Какого жука? – не понял Гарольд. – Какие глазки?

– Передняя часть перстня выполнена в виде жука, – пояснила ему мать. – И у него глазки из камушков зеленого цвета. Наверное, они изумрудные.

– А перстень-то, золотой? – озабоченно спросил Гарольд.

– Нет, – покачала головой мать. – Он из серебра.

– Из серебра... – разочарованно протянул сын.

– Да. Из серебра, – повторила миссис Дженкинс. – Но он старинной работы.

Беседуя таким образом, мать с сыном немного успокоились.

– А каким человеком был дед? – спросил Гарольд. – Он был добрым?

Миссис Дженкинс задумчиво покачала головой:

– И да и нет... Наверное, он по-своему любил меня. Дарил мне игрушки, играл со мной. Даже как-то раз, принес мне настоящего живого котенка. Но, когда котенок написал в его ботинок, отец безжалостно убил его...

– Неужели убил?! – удивился Гарольд.

– Да, убил. Я как раз спускалась по лестнице и увидела, что отец сжал шею котенку, а тот дергался и хрипел... Мне было всего пять лет и я, конечно, не поняла что происходит. Лишь спустя несколько дней, когда я спросила у матери где котенок, а она в ответ заплакала и попыталась мне объяснить, что он заболел и умер, я поняла, что его убил отец.

– Ну он даёт! – возмутился Гарольд. – Ботинок-то можно было и вымыть. Ну, а потом что было?

– А потом отец пропал, – ответила миссис Дженкинс. – В один прекрасный день ушел на работу и не вернулся...

В этот момент их разговор был прерван приглашением на ужин. Миссис Дженкинс, которой стало уже гораздо лучше, смогла спуститься в столовую, поддерживаемая под руку, сыном. За ужином Гарольд во все глаза таранился на перстень мистера Янга.

– Вы любите драгоценности? – улыбнулся тот.

– Да, – не моргнув глазом, соврал Гарольд, – в особенности древние. С ними связаны всякие тайны. Ответив так, молодой человек внимательно взглянул на мистера Генри. Но к его великому разочарованию, на смуглом лице мистера Янга не отразилось ни тени волнения.

– Стало быть, вы хорошо в них разбираетесь? – снисходительно спросил он.

– Да нет. Не очень. По крайней мере, специалистом я себя не считаю, – скромно ответил Гарольд.

– А вот мистер Янг знаток античного искусства! – вступила в разговор миссис Смит.

– Да. Я же торгую антиквариатом, – подтвердил мистер Генри. – В нашем деле волей-неволей приходится разбираться во всех тонкостях.

– И как скоро можно стать специалистом вашего класса, мистер Янг? – спросила миссис Дженкинс.

– Знаете мэм, это зависит от индивидуальных качеств человека. Кто-то обучается быстрее, кто-то – медленнее... Я, например, постигаю все эти нюансы всю свою жизнь, – ответил мистер Янг.

– Вот взять, к примеру этот перстень – неожиданно обернулся он к Гарольду. – Как по вашему? Где и когда он изготовлен?

Гарольд мог поклясться, что в черных глазах мистера Генри промелькнула самая настоящая насмешка.

– Мне кажется, – неторопливо произнес Гарольд, разглядывая перстень, – что это работа античных мастеров.

– Так-так, – усмехнулся мистер Янг. – А что вы под этим подразумеваете? “Античные мастера” – это очень расплывчатое понятие...

– Ну, я не уверен... – замялся Гарольд. – Быть может этот перстень изготовлен эллинскими ювелирами?

– Нет, мистер Гарольд, я вынужден вас огорчить. К сожалению, вы промахнулись на целую тысячу лет, – улыбнулся мистер Генри. – Этот перстень – работа мастеров Древнего Египта. Вы же видите, что изображено на нём?

– Жук, – ответил Гарольд.

– Правильно, – кивнул мистер Янг. – Это скарабей.

– Ваш перстень сделан, по-видимому, из платины? – вмешалась в разговор миссис Дженкинс, многозначительно взглянув на сына.

– Нет, мэм. В те далекие времена о платине даже не слышали. Это серебряный перстень. Во времена фараонов серебро ценилось гораздо выше золота, – ответил мистер Янг.

– Надо же! А я всегда считала, что самый дорогой металл – золото, – удивилась миссис Смит. – Или платина? – задумчиво добавила она.

– Нет. В настоящее время самым дорогим металлом является палладий, – просветил присутствующих мистер Генри.

Проводив мать в комнату миссис Смит, Гарольд после ужина отправился путешествовать по огромному дому. На первом этаже в правом крыле здания находились комнаты прислуги, проживающей в доме. В левом крыле – была кухня и другие подсобные помещения. На второй этаж вела широкая мраморная лестница, покрытая ворсистым красным ковром. Прутья перил сверкали полированной бронзой. На втором этаже располагались гостиная, большая столовая, бильярдная и библиотека. Рядом с библиотекой находился кабинет и комнаты, в которых проживали хозяева дома. На третьем этаже имелось шесть комнат для гостей, две из которых занимали миссис Дженкинс и Гарольд. Полы сияли желтизной начищенного паркета, а на стенах коридора висели гобелены ручной работы. Проходя мимо библиотеки, Гарольд вдруг услышал чей-то горячий шепот:

– Отпустите меня, Генри! Мне пора идти. Лучше приходите ночью.

Заглянув в приоткрытые двери, Гарольд увидел мистера Янга, сжимающего в объятиях горничную. Неслышно ступая по мягкому ковру, Гарольд незамеченным проскользнул мимо библиотеки. Пораженный сценой, невольным свидетелем которой он невзначай оказался, Гарольд поспешил покинуть дом. Выходя на крыльцо, он столкнулся в дверях с шофером миссис Смит, Лукасом.

– Ох, извините меня, мистер Гарольд! Смутился тот.

– Пустяки! – махнул рукой Гарольд, – я всё хотел спросить у вас, где, собственно, горничная Кэрролл?

– А разве я вам не сказал? – удивился Лукас. – Она же уволилась сразу же после похорон мисс Сью.

– Почему? – поинтересовался Гарольд.

– Да как вам сказать... – замялся водитель. – Она сказала мне, что боится здесь оставаться...

– А вы не знаете, где она живет? Я бы хотел переговорить с ней... – многозначительно взглянул на Лукаса Гарольд.

– О чем с ней поговорить? – пожал плечами шофер.

– Послушайте, мне показалось, что вы не слишком-то любите мистера Янга? Так вот, я хотел бы прищемить ему хвост! – теряя терпение, выпалил Гарольд.

– Ладно, – согласился Лукас, – я провожу вас к ней. Но учтите, что Кэрролл ни за что не пойдет в полицию.

– А никто и не просит ее идти туда, – ответил Гарольд.

– И я прошу вас, мистер Гарольд, никому не говорить об этой встрече и о том, где живет Кэрролл.

– Вот еще! – возмутился Гарольд. – Ты мог бы не предупреждать меня об этом! Естественно, я ничего никому не скажу!

– Дело в том... – вновь замялся Лукас, – что мы с Кэрролл... Ну.... В общем, дружили, что-ли...

– Понятно, – кивнул Гарольд. – Давай встретимся утром, после завтрака.

– Хорошо, – согласился Лукас.

Перед сном Гарольд никак не мог отделаться от роя тревожных мыслей, теснившихся в его возбужденном мозгу. Шокированный флиртом мистера Генри с горничной, флиртом, затеянным почти сразу же после похорон Сьюзен, Гарольд не находил слов, чтобы выразить свое возмущение.

Размышляя же о невероятном сходстве мистера Янга со своим дедом, он, в конце концов, стал склоняться к мысли, что это просто случайное совпадение.

* * *

Утром Гарольд первым делом принял душ и только принялся натягивать брюки, как в комнату постучала горничная Элиза. Она пришла пригласить его к завтраку. Гарольд, поблагодарил её, спустился в столовую и, поспешно расправившись с едой, помчался к Лукасу. Усаживаясь в такси, они не обратили внимания на подозрительный черный автомобиль, который последовал за их авто.

Кэрролл Ривз снимала меблированную комнату на окраине города, в Ричмонде. Высадившись из машины, Гарольд увидел прямо перед собой мрачный дом, со стен которого кусками отвалилась штукатурка. Входя в обшарпанный подъезд, Гарольд почти физически ощутил на себе чей-то тяжелый взгляд. Он обернулся, он не увидел ничего подозрительного. Один только черный автомобиль стоял на противоположной стороне улицы.

Лукас постучал в ободранную дверь и приятный женский голос из комнаты пригласил их войти. Комната мисс Ривз являла собою иллюстрацию типичного жилья бедной американской девушки: старая кровать с никелированными спинками, пара колченогих стульев, шкаф и маленький буфет, вот, собственно и вся обстановка. Справедливости ради, необходимо отметить, что комнатка содержалась в идеальной чистоте. Сама Кэролл оказалась высокой и серьезной шатенкой с карими глазами. Она очень обрадовалась, увидев Лукаса, но, затем, озадаченно взглянула на Гарольда. Лукас представил ей Гарольда и коротко изложил цель их визита.

– Я же рассказала тебе всё! – нахмурилась девушка. – Ну, ладно.

И она выложила Гарольду всё с самого начала.

– Я до сих пор не могу понять, как мистер Генри оказался позади дома! Ведь буквально за три минуты до того, я видела его выходящим с мисс Сью на балкон, – задумчиво произнесла Кэролл.

– А когда я спросила у него об этом, он угрожающе прошипел: “Попридержи-ка язычок, целее будешь!”

– Зачем же вы у него спрашивали об этом?! – воскликнул Гарольд. – Вы ведь подвергали себя смертельной опасности!

– Поэтому-то я и уволилась, – пояснила девушка, довольно улыбнувшись. – Мистер Генри не знает моего адреса! А я очень боюсь этого человека! – продолжила она. – Сразу же, после своего появления в доме миссис Смит, он начал приставать ко мне со своими ухаживаниями! Когда же я дала ему понять, что не питаю к нему взаимных чувств, он едва не придушил меня! Мистер Генри пригрозил, что я очень пожалею о своем отказе! – заплакала Кэролл.

– Зря вы его спрашивали, – покачал головой Гарольд, – тем более, что все и так достаточно ясно. Мистер Янг, судя по всему, отличный спортсмен. Ему не составило большого труда столкнуть бедную Сью с балкона, спуститься на землю по одной из колонн и, неожиданно появиться в холле, войдя через другую дверь. Он просто быстро обежал дом.

– Послушайте! А ведь верно! – воскликнул Лукас. – Надо сообщить в полицию!

– Я ничего не скажу полиции! – выкрикнула Кэролл, заливаясь слезами. – Об убьет меня! Кое-как успокоив девушку, Лукас с Гарольдом отправились обратно.

Прошло несколько дней. Мистер Янг то появлялся в доме, то куда-то исчезал. Как-то раз после обеда, Гарольд заглянув к матери увидел, что она задумчиво листает журнал, но не читает его.

– Мама! – окликнул он её. – Ты как себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо, – ответила она, продолжая переворачивать страницы. – Ты знаешь сынок... Я забыла рассказать тебе об одной детали...

– О чем? – не понял Гарольд.

– О шраме... У моего отца под левой ключицей был небольшой шрам, – пояснила миссис Дженкинс.

– А откуда он у него? – спросил Гарольд.

– Я не знаю. Помню лишь, что шрам у него был, – задумчиво ответила миссис Дженкинс.

Следующим утром, проходя возле бассейна, Гарольд увидел плавающего мистера Генри. Осудив про себя его поведение – ведь в доме, все-таки траур, он вдруг вспомнил свой вчерашний разговор с матерью. Решив выяснить до конца вопрос о шраме, Гарольд быстро сбросил рубашку и брюки. Оставшись в красных плавках, он осторожно опустился в один из шезлонгов.

Когда, вдоволь наплававшись, мистер Янг, наконец, вылез из бассейна, Гарольд с милой улыбкой пожелал ему доброго утра. В глазах мистера Генри промелькнуло недовольство, но тем не менее, он вежливо ответил на приветствие.

– Мистер Янг! – окликнул его Гарольд. – Вы, что же, не боитесь потерять такую ценную вещь? Ведь, кажется, вы весьма дорожите ею? Гарольд указал на старинный перстень, тускло блестящий на пальце мистера Генри.

– Что? – не понял тот. – А-а... Вы про кольцо. Нет, я не потеряю его.

Мистер Янг повернувшись, принялся натягивать брюки. Гарольд так и впился в него глазами: ПОД ЛЕВОЙ КЛЮЧИЦЕЙ МИСТЕРА ГЕНРИ БЕЛЕЛА ТОНКАЯ ПОЛОСКА СТАРОГО ШРАМА. Почувствовав взгляд, Янг поднял голову и выжидающе уставился на Гарольда.

– Интересно, откуда у вас этот шрам? – с деланным безразличием спросил тот.

– Молодой человек! – не скрывая раздражения, произнес мистер Янг, – разве ваша многоуважаемая матушка не говорила вам, что совать нос в чужие дела нехорошо?

–

“Молодой человек?!” – удивился Гарольд, – но мне показалось, что мы с вами почти ровесники. Вероятно, я ошибался. Ну что ж...

–

Извините, дедушка! – рассмеялся он. – Вы такой солидный, и умудренный жизненным опытом человек, что мне на миг показалось... Ха-ха-ха – рассмеялся Гарольд.

– И что же вам показалось? – прошипел сквозь зубы мистер Янг.

– Ха-ха, – продолжал веселиться Гарольд. – Мне показалось, что вы ровесник со своим чертовым перстнем!

Глаза мистера Генри вспыхнули черным огнем. Они показались Гарольду огромными, на враз побелевшем лице.

– Что вы хотите сказать? – тихо спросил Янг.

– Ровным счетом ничего. Просто я подумал... – Гарольд замолчал, выдерживая эффектную паузу.

– Продолжайте! Черт вас возьми! – зарычал его собеседник.

– Я подумал, что если вам, к примеру, захочется вспомнить прошлое,...

– Ну и что же дальше?! – теряя терпение, почти взвыл мистер Генри. – Что я должен для этого сделать?!

– Да ничего особенного, – выпалил Гарольд, – просто откройте медальон моей матери. Там, на фото, вы, по крайней мере, на полвека моложе!

Мистер Генри в ответ лишь посмотрел на него долгим и странным взглядом. Затем, круто повернувшись, направился к дому.

Веселье Гарольда разом куда-то улетучилось. Несмотря на палящее солнце, его охватил озноб. Сердце, в предчувствии неотвратимой беды, тоскливо заныло.

Глава № 4

Мистер Янг постучал в двери комнаты миссис Смит и, придав лицу скорбное выражение, вошел. Хозяйка дома сидела в глубоком кожаном кресле и перебирала семейные фотографии. Глаза ее хранили следы недавних слез.

– Это вы! Входите, да входите же, дорогой Генри! – приветствовала она Янга.

– Как ваше здоровье, миссис Смит? – вежливо поинтересовался он.

– Благодарю вас. Я – в порядке, – ответила хозяйка.

– А как миссис Дженкинс? – спросил Янг. – По правде говоря, она здорово напугала всех, упав в обморок.

– Слава Богу, она чувствует себя хорошо, – перекрестилась миссис Смит. – Просто она расчувствовалась и ей стало плохо с сердцем.

– Миссис Смит, вы не скажете, как ее девичья фамилия? – вдруг спросил мистер Генри.

– Хоскинс, – автоматически ответила миссис Смит. – А зачем вам?..

– Понимаете, мэм, – побледнев, ответил мистер Янг. – Как-то в беседе, ее сын назвал себя внуком лорда. А поскольку он англичанин, то я подумал...

– Хм, – усмехнулась миссис Смит, – хм. Внук лорда!? Да нет же! Либо вы не так поняли, либо он не то сказал, что в сущности одно и то же...

– Так он не потомок лорда? – уточнил мистер Генри.

– Дедом Гарольда по матери был мелкий служащий, мистер Хоскинс. И лордом он не был, уверяю вас. Потом он куда-то пропал... (Мистер Генри побледнел еще больше). А отцом Гарольда был банковский клерк, между нами говоря, большой негодяй. Он бросил Маргарет, когда Гарольду было два-три года. Связался с какой-то секретаршей, подлец.

– Да, мистер Генри! Далеко не все мужчины подобны вам! Я уверена, что вы сделали бы все возможное, чтобы осчастливить мою Сьюзен! – и миссис Смит тихо заплакала. Достав белый кружевной платок, она медленно вытерла глаза, что помешало ей заметить циничную усмешку, промелькнувшую на скорбном лице мистера Янга. Побеседовав с пожилой леди еще несколько минут, Янг извинился и вышел из комнаты.

Гарольд оделся, обошел бассейн и прошел в гараж. Лукас, в синем, перепачканном маслом, комбинезоне, возился с автомобилем.

– Лукас! – окликнул его Гарольд.

– Что надо?! – резко обернулся шофер, схватив тяжелый разводной ключ.

– Ты что?! – крикнул Гарольд, резво отпрыгнув в сторону.

– Тьфу, черт! Это ты... То есть вы... Извините, мистер Гарольд, – пробормотал смущенный Лукас, опуская ключ. – Ну и напугали вы меня!

– Почему? – удивился Гарольд.

– Да так... – замялся тот.

– В чем дело? Рассказывай! – приказал Гарольд, заинтригованный необычным поведением шофера.

– Ну, как вам сказать... – продолжал колебаться Лукас.

– Языком! – рассердился Гарольд.

– Ну, в общем, я вчера ездил в банк. По поручению хозяйки. Ну, проколол колесо....

– Понятно, – кивнул Гарольд. – Давай дальше.

– Приехал я домой. Машину поставил в гараж. Разбортировал колесо, вытащил камеру, засунул ее под вулканизатор и только присел покурить, как кто-то схватил меня сзади за шею. Я от неожиданности чуть сигарету не проглотил.

– Ха-ха-ха – засмеялся Гарольд.

– Вот вам смешно, а он меня чуть не задушил, – обиделся Лукас.

– Да ну?! – не поверил Гарольд. – Ты же вон какой здоровый...

– Это вам так кажется, – перебил его Лукас. – Этот проклятый Генри потащил меня как котенка вглубь гаража, за машину. Я пытался вырваться, но не смог... Посмотрите, – и он отвернул ворот своей клетчатой рубахи. Гарольд с удивлением обнаружил на его шее длинные кровоподтеки.

– Ничего себе! – присвистнул он, – и что же ему от тебя понадобилось?

– Он мне в живот врезал, да так, как-будто жеребец лягнул. Я чуть было не задохся... А он усмехается нехорошо так и говорит: “Ты, – говорит, – придурок, если будешь еще с этим Дженкинсом болтать, то на этом свете не удержишься”. С вами, значит, разговаривать мне нельзя. Я спросил, про что мне нельзя болтать? А он усмехнулся опять и сказал, что про Сью... Пригрозил, убить как собаку... Потом он еще раз мне врезал и, пока я валялся на полу, сказал, что какой-то шлюхе пришел конец... Но я его не понял.

– А что тут понимать?! – воскликнул Гарольд. – С кем ты разговаривал про смерть Сьюзен?

– С вами... – недоуменно ответил Лукас, моргая. – С вами и с Кэрролл.

– О, Господи! Неужели он...?!

– Помчались к ней! – предложил Гарольд. – Быстро!

Наскоро вымывшись и переодевшись, Лукас выскочил к ожидающему его Гарольду. Поймав такси, они уже через полчаса оказались у дома Кэрролл.

– Что это? – удивился таксист, увидев толпу возле дома. – Вы только взгляните сколько народу. И полиция здесь.

Гарольда охватило нехорошее предчувствие...

Быстро расплатившись с таксистом, он вслед за Лукасом, выскочил из машины. Однако войти в подъезд им не удалось, так как все пространство перед ним было затянуто желтой лентой, которую натянула полиция.

Рядом с домом стояли две полицейские машины с включенными мигалками, карета “скорой помощи” и шумела целая толпа любопытных. В первых рядах находились несколько репортеров, которые приставали к полицейским и поминутно щелкали камерами.

– Что тут случилось? – спросил Лукас у стоящего рядом пожилого мужчины.

– Не знаю... – пожал плечами тот, – говорят, убили кого-то...

В этот момент “скорая” отъехала от дома, а вместо нее прикатил черный фургон, из тех, которые используются для перевозки покойников.

Выскочившие из него трое парней в темных спецовках, с носилками, быстро скрылись в подъезде. Спустя десять минут они появились вновь, вынося на носилках чье-то, упакованное в специальный мешок, тело.

Следом за ними вышли двое полицейских и высокий мужчина в штатском. К нему тотчас же подскочили несколько журналистов.

Из подъезда показалась дородная женщина средних лет, в несвежем халате. Её опухшее лицо было мокрым от слез.

– Это Дженнифер, квартирная хозяйка Кэрролл, – пояснил Лукас. Высокий мужчина в штатском, обернувшись к ней, довольно громко сказал:

– Печать не трогать и в комнату не входить!

– Да, конечно, я поняла, – послушно закивала Дженнифер, вытирая заплаканное лицо рукой. Усевшись в одну из машин, мужчина уехал. За ним, сняв желтую ленту оцепления, укатили и остальные полицейские. Черный фургон умчался чуть раньше них. Толпа постепенно расходилась.

Лукас подойдя к квартирной хозяйке, спросил:

– Что тут произошло, Дженни?

Та, кивнув ему, всхлипнула:

– Убили... Кэрролл убили...

– Как?! Когда?! – хрипло спросил Лукас.

– Я ничего не знаю! – закричала Дженнифер. – Господи! Да за что мне всё это?!

– Когда обнаружили тело? – задал вопрос Гарольд.

– Утром... Кэрролл задолжала мне за квартиру и я утром зашла к ней... О, Боже! – вдруг вскрикнула Дженнифер. – Сколько крови! За что?!

– И что же вы увидели? – мягко, но настойчиво продолжал выпытывать Гарольд.

– Голову... – Дженни бессмысленными глазами уставилась на Гарольда. – Ей отрезали голову... О, Господи! Сколько крови!

Лукас, оставив своего спутника с квартирной хозяйкой, молча отошел в сторону. Он стоял, низко опустив голову. Его зубы намертво вцепились в рукав клетчатой рубашки.

– Я убью его! – прохрипел Лукас, подошедшему Гарольду, – я убью его!

– Поехали домой... – устало произнес тот. – Нам тут уже нечего делать...

Поймав такси и усадив в него убитого горем Лукаса, Гарольд всю дорогу мрачно размышлял о случившемся.

Дома Гарольд, сочувственно, взглянув на шофера, предложил ему всё рассказать полиции. Лицо Лукаса исказила гримаса боли:

– Нет! Я сам убью его! – крикнул он.

– Нет. Вдруг он убьет тебя. Тогда никто не сможет ничего доказать, – возразил Гарольд.

– А что если вы сами расскажете про всё лейтенанту? – предложил, в свою очередь, шофер. Гарольд устало вздохнул:

– Я же иностранец. И меня тут не было здесь во время гибели Сьюзен.

– Ну а я, мистер Гарольд, уже целый год живу по просроченной визе, – ответил Лукас. – Вы же знаете, как полиция относится к таким нарушениям. Меня немедленно выдворят из страны. А моя мать с братьями в Мексике едва сводят концы с концами. Я должен хорошо зарабатывать, чтобы помогать им.

– Я всё понимаю, – кивнул Гарольд, – тебе нельзя появляться в полиции. Но что-то делать все-таки надо.

– Я убью его! – сжал кулаки Лукас.

– Нет, ты не сможешь его убить, – Гарольд взглянул на шофера с сожалением. – Ты его боишься.

Лукас опустив голову медленно пошел прочь.

* * *

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Гарольд услышал негромкий вскрик. И кто-то торопливо пробормотал:

– Ой! Извините, мэм!

– Ты что, ослепла?! – Гарольд узнал голос миссис Смит, которая отчитывала горничную, а та твердила:

– Простите, мэм. Я нечаянно, мэм.

– Успокойся, Джейн, – мягко произнесла миссис Дженкинс. – Она же, в самом деле, нечаянно.

– Ну, не хватало еще, чтобы она специально облила тебя! – возмутилась миссис Смит.

– Ничего страшного, – примирительно сказала миссис Дженкинс. – Она еще всему научится.

Взбежав по лестнице, Гарольд увидел, что Элиза вытирает салфеткой подол платья миссис Дженкинс, а миссис Смит, выпрямившись во весь рост, недовольно глядит на горничную. Наконец, закончив вытирать платье, Элиза убежала вниз.

– Не обижайся, Джейн, но по-моему, ты чересчур строга с девочкой, – тихо произнесла миссис Дженкинс.

– Может быть, – проворчала миссис Смит, – но по сравнению с Кэрролл эта Элиза просто круглая дура!

– Добрый вечер! – поприветствовал их Гарольд.

– А, Гарольд! Побудьте с нами, не убегайте! – попросила его миссис Смит.

– Да, Гарольд, скоро ужин, – напомнила ему мать.

– Вам нравится наша кухня? – поинтересовалась хозяйка.

– Да, очень. У вас хороший повар, – ответил молодой человек.

– Да. Он китаец. Они мастера стряпать, – кивнула миссис Смит. – Кстати, – спохватилась она вдруг. – Что у вас произошло с мистером Янгом?

– С мистером Янгом? – удивился Гарольд. – Ничего.

– Я не знаю, что там между вами и как. Но, пожалуйста, не расстраивайте его, Гарольд. Он так страдает! – взмолилась миссис Смит.

“Страдает, как же!” – усмехнулся Гарольд, а вслух произнес:

– Ну что вы! У меня и в мыслях не было расстраивать мистера Генри!” “Убить бы эту гадину!” За ужином мистер Янг демонстративно не замечал Гарольда. Гарольд же, наоборот, не сводил с него взгляда. Внезапно мистер Янг резко обернулся к нему и тяжело посмотрел прямо ему в глаза. А затем неожиданно подмигнул, с самым что ни на есть, заговорщицким видом.

Гарольд, поперхнувшись горячим кофе, закашлялся.

– Осторожнее, Гарольд, – участливо произнесла миссис Смит, – не дай Бог, попадет не в то горло!

В этот момент в столовую стремительно вошла высокая молодая девушка в горчичного цвета дорожном костюме, подчеркивающим ее стройную фигуру.

– Джеки! – воскликнула миссис Смит, вставая из-за стола.

– Мама! – девушка обняла ее и, не обращая внимания на гостей, горько разрыдалась.

Спустя некоторое время, миссис Смит, несколько успокоившись, и утерев слезы, представила миссис Дженкинс и Гарольду свою старшую дочь Джекки.

– Поужинай с нами, – предложила ей миссис Смит, но Джекки извинившись, сослалась на головную боль и отказалась. Миссис Смит, в свою очередь извинилась и последовала за дочерью.

После ужина Гарольд проводил мать в ее комнату и вышел во двор. На темно-синем небе сияла полная луна. В кустах стрекотала какая-то ночная живность, вероятно цикады.

– Хороший вечерок! Кхе-кхе, – раздался за спиной Гарольда надтреснутый старческий голос.

– Да, – согласился он, быстро обернувшись. Позади него стоял старый садовник. Просительно взглянув на Гарольда, он произнес:

– Извините мистер, не угостите сигареткой?

И тут Гарольд с удивлением обнаружил, что старый хрыч совершенно пьян. Он стоял, сильно накренившись вправо, и слегка покачивался.

– Возьмите, – протянул ему Гарольд открытую пачку.

– А можно мне взять три штуки? – хитро взглянул на молодого человека старик.

– Возьмите всю пачку, – великодушно разрешил Гарольд. Старик взял сигареты и, покачиваясь приблизился к скамейке, затем осторожно опустился на неё.

– Вы хороший человек, мистер! – неожиданно заявил он.

– А откуда вы знаете? – улыбнулся Гарольд.

– Папаша Том все знает! – хихикнул старик. – А вот, к примеру, взять мистера Янга, так он – настоящая свинья!

Садовник со злостью плюнул на землю.

– Таковую девушку погубил!

–

Сьюзен?.. – уточнил Гарольд.

– Ну да. Хозяйкину дочку младшую, – пояснил старик. – Мы все её так любили...

Вытащив из кармана штанов огромный красный платок, он шумно высморкался.

– Вы, мистер, значит, того... – старик вытер глаза, – осторожнее будьте...

– В каком смысле? – не понял Гарольд.

– Да во всех смыслах... – хихикнул садовник, и встав со скамьи, медленно побрел по аллее. Его шатающийся силуэт четко выделался на фоне ярко освещенного дома.

Гарольд задумчиво докурив сигарету, вошел в дом.

* * *

Горничная Элиза убрала со стола посуду, оставшуюся после ужина, перемыла её и ушла к себе. Присев на стул, стоящий возле кровати, она усталым взглядом обвела комнату: старинный дубовый комод со множеством ящиков, шкаф, кровать и небольшое трюмо в углу составляли всю её обстановку.

Стены, оклеенные зелеными обоями, были наивно украшены портретами кинозвезд.

Комната сразу же понравилась девушке, чего нельзя было сказать об отношении хозяйки. “Впрочем, – подумала Элиза, – я пришла в этот дом не в самые лучшие времена. Бедная миссис Смит только что похоронила дочь”.

“Дай БОГ, всё еще наладится!” – сказала себе девушка и, присев к трюмо, принялась расчесывать свои густые черные волосы. Поступив на работу в этот дом около месяца назад, Элиза почти сразу же удостоилась самого пристального внимания со стороны мистера Янга. И как-то тихим вечером, это внимание плавно преобразилось в роман. Их отношениям не помешало то обстоятельство, что мистер Янг недавно потерял свою невесту. Элиза в эгоизме влюбленности поспешила надеть покойную Сьюзен всеми мыслимыми и немыслимыми пороками. А мистер Генри утвердил её в этом мнении, заметив однажды, что его предстоящий брак со Сью являлся чистым расчетом со стороны покойной.

Дверь комнаты бесшумно открылась и на пороге возник мистер Генри. Лицо его выражало озабоченность и недовольство.

–

Наконец-то ты пришел! – обрадовалась Элиза, но заметив, что он не в духе, тревожно спросила: – Что случилось?

Мистер Янг, не отвечая, посмотрел на неё долгим и странным взглядом, затем молча приблизился к ней и поцеловал. В полутьме комнаты его странный взгляд напугал девушку. Не отвечая на поцелуй, она отвернулась к зеркалу и, взяв гребешок, взглянула на своё отражение. Взглянула, и в ужасе, застыла: в зеркале, над самым её лицом, скалила пасть жуткая звериная морда. У Элизы перехватило дыхание. Обернувшись, она увидела мистера Янга, который молча стоял позади неё и улыбался. Его ровные зубы блестели, как жемчуг. Вновь взглянув в зеркало, бедная девушка увидела в нём всё ту же ужасную тварь. С диким криком Элиза вскочила на ноги и, отшатнувшись от мистера Генри, с размаху налетела на трюмо. Зеркало с грохотом разлетелось на сотни осколков, а сама девушка, потеряв сознание, рухнула под ноги мистера Янга. Тот, беспокойно оглядевшись, внимательно прислушался. Затем, змеёй выскользнул из комнаты, не забыв запереть её на ключ.

* * *

Едва Гарольд вошел в комнату матери, как ужасный вопль разнёсся по всему дому.

– Что-то случилось! – обернулся он к вздрогнувшей миссис Дженкинс, – я пойду, посмотрю!

– Не ходи! – схватив его за рукав, попросила мать.

– Да не бойся! Я же быстро! Не выходи из комнаты, – ответил Гарольд, выскакивая за дверь.

По коридорам зазвучали испуганные голоса, захлопали двери. Сбежав по широкой лестнице, Гарольд увидел, что возле комнаты Элизы стоит миссис Смит. Она колотила в дверь ногами и кричала:

– Элиза! Элиза! Немедленно открывай! Что с тобой?

Но из-за дверей не доносилось ни звука.

– Надо ломать замок! – обернулась миссис Смит к подбежавшему Лукасу. Тот молча кивнул и, отступив на пару шагов, изо всех сил пнул дверь. Раздался громкий треск, и замок не выдержал. Глазам вбежавших в комнату людей предстала странная картина: на полу, среди осколков разбитого зеркала, лежала бесчувственная горничная, сжимая в руке красный гребешок. Лукас осторожно поднял её и уложил на кровать. Старый садовник принес стакан воды и побрызгал в лицо девушке. Та, со стоном открыла глаза, видимо, не понимая, что происходит. Вдруг, закрыв лицо руками, Элиза закричала:

– Он – зверь! Зверь! Это – зверь!

– Кто зверь? – спросил Гарольд, но ответом ему был лишь безумный взгляд огромных карих глаз.

– О Господи! – воскликнула миссис Смит, – уж не наркоманка ли она?!

– Да нет же... – махнул рукой Гарольд. – Просто она очень сильно напугана.

Попытки успокоить девушку не дали положительных результатов и было решено вызвать “скорую помощь”.

Прибывший доктор, после беглого осмотра, увез Элизу в психиатрическую клинику. Гарольд записал адрес этой клиники и спросил у Лукаса, чего могла испугаться девушка? Тот, мрачно взглянув на Гарольда, ответил, что дом превратился в черт знает что и что напугаться тут можно чего угодно. Поднявшись на третий этаж, Гарольд решил зайти к матери и рассказать ей о случившемся. Но, отворив дверь ее комнаты, он, к своему удивлению, обнаружил, что миссис Дженкинс в комнате нет. Подумав, что она могла куда-нибудь выйти, он кинулся на ее поиски. Но мать словно сквозь землю провалилась. И вновь поднялся переполох, вновь захлопали двери, вновь топот ног нарушил тишину дома.

– Что случилось, Гарольд? – спросила, входя в комнату миссис Смит.

За ней следовала Джекки, которая взглянула на Гарольда с любопытством и тут же опустила глаза. В коридоре топтались садовник с Лукасом.

– Мама пропала... – потерянно произнес Гарольд.

– Пустяки! – отмахнулась миссис Смит, – наверное, вышла куда-нибудь.

– Да нет! Я обошел весь дом, но ее нет нигде! – воскликнул Гарольд.

– Надо еще раз все осмотреть, – предложила Джекки.

– Да! – поддержала ее миссис Смит. – И не забудьте про сад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.